

Мужчина не дал ему и шанца заговорить. По неизвестной причине его лицо выглядело напряженным, он принялся сам обшаривать и осматривать его с ног до головы, и лишь спустя долгое время с облегчением выдохнул. Помедлив, он достал носовой платок и стер с уголков его глаз еще не высохшие слезы.

— Никаких внешних повреждений, тогда зачем ты пришел в больницу? Из-за чего ты только что плачал?

Этот прохладный тон заставил Су Юня остолбенеть, как и то выражение лица, с которым тот вечно молча и с легкой растерянностью смотрел на него...

Сердце у него заколотилось как безумное.

Почему ему казалось, что стоящий перед ним Шэнь Ифань так сильно похож на того, кого он узнал несколько лет спустя?

Придя в себя ненадолго, Су Юнь произнес:

— Пришел навестить родственника.

— Родственника?

Шэнь Ифань вдруг понял, что совершенно не знает этого своего бывшего мужа. Если не считать семьи его дяди, все остальные после их свадьбы являлись лишь затем, чтобы просить о помощи в делах или одолжить денег. В те времена этот малыш страшно злился и даже предупреждал его, чтобы он не смел обращать внимания ни на кого из них.

Он не понимал, почему тот так враждебно настроен к этим родственникам, хотя это и тешило его эгоистичные желания: так он мог запереть этого одинокого человека в поле своего зрения, чтобы никто на свете не был к нему ближе, чем они сами.

Хотя, похоже, все это в конце концов все равно закончилось трагедией...

Над его головой снова раздалась внезапная мольба:

— И... господин Шэнь, вы не могли бы выкупить меня? Я могу побыть с вами месяц, хоть целый год.

Сердце Шэнь Ифаня пронзила боль: человек, которого он безответно любил столько лет, теперь собирается... продать себя ему?

Где же они свернули не туда, почему в этой жизни у них с этим человеком должны быть такие товарно-денежные отношения, зачем он так унижает себя?

— Прошлой ночью я перепил, и та случайность... ты хочешь, чтобы я прикоснулся к тебе... — Шэнь Ифань глубоко заглянул в глаза еще совсем юному Су Юню и невольно произнес: — Только если мы станем встречаться.

Лицо Су Юня побледнело. Вспомнив тот жуткий кошмар из прошлой жизни, он без малейших колебаний яростно затряс головой.

— Это абсолютно исключено, я не хочу...

Не хотел, чтобы его запирали, не хотел снова погружаться в пучину ревности к Чэнь Е и этому

мужчине, не хотел и дальше жить круглой душой.

— Тогда... прощайте!

Они разошлись в разные стороны, двинувшись в противоположных направлениях. Когда Шэнь Ифань оглянулся, той фигуры уже было не видно. Помолчав немного, он достал телефон и сделал звонок:

— Тот парень из прошлого раза... по имени Су Юнь... Разошли весть: во всех развлекательных заведениях строго-настроено запрещено брать его на работу хостесом... Иначе пусть готовятся к банкротству!

Юнь Чэнь ЕСу Юнь поднял голову и посмотрел на старую многоэтажку. Обветшала и сырая, она всё же вызвала какое-то пронзительное чувство причастности и уюта.

Когда ему исполнилось десять лет, родители погибли в производственной аварии. Родственники по линии отца и слышать не хотели о том, чтобы взять сироту к себе, — их интересовала лишь оставшаяся в деревне квартира. Среди родни по материнской линии нашелся лишь один дядя, человек простодушный и мягкосердечный, но его вторая жена оказалась женщиной крутого нрава. Тогда они были готовы забрать только старшего брата, который уже умел зарабатывать хоть какие-то деньги, так что Су Юня чуть не отправили в приют. Именно старший брат стащил его с машины, пожертвовал собственным образованием, позволив дяде усыновить младшего, а сам уехал на заработки в далекий город.

Если подумать, он не ступал сюда с тех пор, как умер дядя.

Он открыл дверь. Дома как раз готовили ужин. Женщина в кухне бросила на него косой, ледяной взгляд, скрылась за дверью, и оттуда тут же донесся громкий стук лопатки о металл — лязг разнесся по всей квартире. Вскоре в его сторону полетела плетеная корзина, доверху набитая стручковой фасолью.

— Луци.

Су Юнь взял корзину, постоял немного, с трудом провозился добрую половину дня, пытаясь раскрыть стручок, но в итоге горошины выскочили наружу и разлетелись по всему полу.

Женщина вынесла из кухни готовое блюдо и презрительно бросила:

— Ни с чем справиться не может! Помотался по больницам пару дней и возомнил себя господином, что ли?

Рука Су Юня, собиравшего рассыпавшийся горох, замерла. Вообще-то всего пару дней назад он и впрямь был главой влиятельного аристократического клана... или кем-то вроде молодого господина почти три года?

Хотя в прошлой жизни его продержали взаперти три года, ему практически не приходилось ничего делать: еду и одежду подавали специально обученные слуги, а от него требовалось лишь изредка служить живым талисманом на важных приемах. Когда он капризничал и отказывался есть, тот мужчина лично брал его на руки и кормил с ложечки.

Су Юнь невольно прижал руку к груди. Если отбросить всю ту боль, что причинила им эта связь, тот тип действительно относился к нему прекрасно.

Но именно эта сердечная боль была для него самым невыносимым... Уж лучше каждый день давиться сухими мантами, чем жить так, как тогда.

— Мам, понюхай, как пахнет?

Из дальней комнаты вышел молодой человек. В отрочестве Чэнь Е еще не так сильно походил на него самого: кожа была чуть темнее, но одежда на нем и обувь на ногах совершенно не вязались с этой обветшалой, бедной обстановкой.

Ван Чуньсян с малых лет души не чаяла в своем сыне Чэнь Е. У дяди от первого брака была еще и дочь — та двоюродная сестра едва достигла совершеннолетия, как ее тут же выставили из дома зарабатывать деньги. Зато родному сыну доставались самые лучшие возможности и ресурсы: даже когда он провалил экзамены в старшую школу, они выложили огромную сумму, чтобы пристроить его в престижное учебное заведение. Чэнь Е как ни в чем не бывало напевал себе под нос, выходя из комнаты. Он бросил косой взгляд на Су Юня, сидевшего на самом полу — подошва его кроссовки прошла буквально в сантиметре от пальцев парня.

В руке Су Юнь сжимал флакон мужского туалетного парфюма, но из-за неумения пользоваться им комната наполнилась удушливым запахом.

До своего перерождения Су Юнь повидал немало хороших вещей, а потому сразу понял, что этот флакон стоит целое состояние.

Ван Чуньсян со смехом отчитала сына:

— Мелкий засранец, опять мои деньги на всякую ерунду тратишь! Почему бы тебе не подумать о том, чтобы купить флакончик своей старой матери?

— Подожди, разве это инвестиции? Вот подцеплю ту крупную рыбу — отгрохаю тебе огромную виллу.

Ван Чуньсян расплылась в улыбке, и все ее лицо покрылось сеточкой морщин, пока она без конца нахваливала сына за смышленость.

Однако лицо дяди помрачнело:

— Тебе всего восемнадцать, разве дело годится — целыми днями думать о всякой ерунде

вместо того, чтобы нормально учиться?

Чэнь Е нетерпеливо фыркнул:

— Мам, посмотри на отца: у него вечно такие отсталые мысли. Какая польза от учебы? Лучше уж выйти замуж за обеспеченного мужчину.

Ван Чуньсян с ухмылкой придвинулась ближе и спросила:

— Это тот самый, который в больнице искал своего спасителя?..

— Мам!

Непонятно почему, но Чэнь Е испуганно глянул на Су Юня и рывкнул, обрывая мать на полуслове. Переведя дыхание, он уже самодовольно и громко заявил:

— Он ко мне так хорошо относится! К тому же он супербогач, так что жди, когда будешь жить в свое удовольствие.

Лицо Су Юня резко изменилось...

Богач? Неужели этот мужчина уже повстречал Чэнь Е в то время?

— Сынок, ну ты даешь! Мама только и ждет, когда сможет выбраться с тобой из этой нищеты.

Дядя тяжело вздохнул, подсел к Су Юню и принялся помогать ему чистить бобы.

— Юнь-Юнь, почему тебя столько дней не было дома? Я заходил в больницу, но тебя там не застал.

Су Юнь пришел в себя, и его пальцы задвигались быстрее:

— Ходил разбираться насчет медицинских расходов... Не могу же я сидеть сложа руки и смотреть, как брату становится только хуже...

Начав говорить, он пригляделся и заметил на лице дяди еще не сошедший след от пощечины, после чего в нем вскипела ярость, и он бросился на кухню.

— С какой стати ты снова ударила моего дядю? Вы же муж и жена!

При одной мысли о том, что перед самой смертью дяди Ван Чуньсян была полностью поглощена обустройством своего нового дома, его охватывало такое жгучее желание убить эту женщину.

Дядя тут же схватил его за руку, пытаясь удержать:

— Не разговаривай так со своей теткой.

Ван Чуньсян испуганно отшатнулась, онемев от неожиданности.

Этот соплик все эти годы, пока жил у них на попечении, ходил тише воды ниже травы, а сегодня вдруг взбесился, словно пороху объелся.

Чэнь Е тут же заслонил мать собой:

— Какое твое дело до того, что мои родители ругаются? Нечего орать на мою маму!

Ван Чуньсян тут же обрела уверенность, принявшись колотить половником по кастрюле и верещать:

— Если бы не он, стала бы я с ним ругаться?! Оба — сплошные тупицы! Твой никчемный братец уже одной ногой в могиле, а вы все продолжаете носить им деньги впустую. И поделом ему, что он до сих пор валяется в больнице! Оказывается, этот гадёнок за моей спиной продал дом в деревне, настоящая же шлюха!

Су Юнь не собирался отступать:

— Это дом, оставшийся от моих родителей, почему его нельзя продать? Сама-то помнишь, сколько брат перечислял вам на жизнь каждый месяц?

Ван Чуньсян на секунду отвела глаза, но голос ее стал только громче:

— Ты мне тут зубы не заговаривай! Ел и одевался за мой счет — уже лет восемь или девять, верно? Я терпела только ради этого дома, иначе с какой стати мне возиться с таким сиротой при живых родителях?

Су Юнь насмешливо фыркнул:

— За еду, жилье и учебу платил мой брат! А одежда? Когда это я носил нормальную одежду? Ты еще хочешь отнять дом и деньги — скажи мне лучше, куда подевались деньги в качестве компенсации за гибель моих родителей?

Лицо Ван Чуньсян побелело окончательно, и она спряталась за спину сына:

— Т-ты... что ты такое мелешь?!

Дрожащий дядя поспешно попытался вмешаться:

— Тут правда ничего нельзя было поделать, твоя тетя тогда ездила разбираться... Говорила, что тот начальник сбежал... Эх...

— Правда сбежал? Ты уверен?

Су Юнь свирепо глянул на Ван Чуньсян, метнул уничтожающий взгляд на Чэнь Е и со всего маху захлопнул дверь комнаты.

Снаружи тут же раздались истошные проклятия и вопли, от которых закладывало уши. Дядя стучал в дверь и звал его ужинать, но Су Юнь даже не шелохнулся.

В крошечной комнатухе стояла лишь одна кровать, без электрического освещения. Он вспомнил, что постельное белье ему принесла добрая тетушка из соседней квартиры, а единственную настольную лампу он подобрал на помойке. Включив ее, он оглядел балкон, где лежала толстая стопка картона — из нее он сделал себе письменный стол.

За дверью продолжался шум, и Чэнь Е даже принялся яростно колотить в дверь, требуя, чтобы он вышел и извинился.

Су Юнь закинул руки за голову и усмехнулся. Только тот наивный восемнадцатилетний Су Юнь вышел бы из комнаты с извинениями, жажда семейного тепла и надеясь, что эта парочка примет его как родного.

Но двадцатилетний Су Юнь уже слишком многое знал о грязной правде. Его дядя до самой смерти не подозревал, насколько эта женщина была жестока и коварна. В прошлой жизни в те дни он ещё ничего толком не понимал: продал родительский дом, он всё равно лишился брата из-за нехватки каких-то тридцати тысяч. И лишь спустя много лет он осознал, что когда-то принял двух бессердечных тварей за родных людей.

Лишь долгое время спустя он узнал, что все восемь лет, пока его брат находился в отъезде, тот ежемесячно переводил ему бóльшую часть своей зарплаты. Брат надеялся, что он сможет получше питаться и одеваться, но эта женщина бессовестно присваивала деньги, урезая его пайку, и в итоге скопила пятьдесят-шестьдесят тысяч. После гибели их родителей Ван Чуньсян заявила к ним с родственниками со стороны своей семьи и затребовала больше миллиона, самовольно уладив дело миром. Однако из этих денег на лечение больного брата не было выделено ни единой лунки, и даже когда у дяди началась ранняя стадия рака, она не проронила ни слова. А когда дядя умер, эта парочка уже вовсю жила в просторной квартире в самом центре города, купленной на деньги, добытые ценой чужой крови.

В ночной темноте прекрасные глаза юноши на миг утратили юношескую наивность, он в упор, до рези в глазах, уставился на потолок, едва не плача.

Чэнь Е, Ван Чуньсян, в этой жизни я, Су Юнь, никому из вас так просто с рук не сойду!

Су Юнь уже битое утро сидел с ручкой, не отрывая глаз от учебника.

Пространственная геометрия? Давно забыта... Формулы по физике? Кто все эти люди?.. Смысловое чтение... Понять абсолютно невозможно!

Внезапно он осознал жуткую проблему: ему предстоит сдавать повторный экзамен для поступления в университет — это же просто бесчеловечно!

Едва учитель химии, проторчавший у кафедры лишние минут пять-б, удалился, по классу прокатилась волна недовольного ропота. Су Юнь как раз собирался немного побыть наедине со своим отчаянием, уткнувшись лицом в парту, как кто-то сзади пнул его стул.

Су Юнь, в какую историю ты ввязался с той работой, что мой второй дядя советовал тебе в прошлый раз?

Лян Тянь был его другом детства, известным школьным красавцем, к тому же человеком живым, компанейским и с широким кругом знакомств с малых лет.

Вернувшись в прошлое и решив во что бы то ни стало раздобыть деньги на лечение брата, Су Юнь сразу же обратился к нему. Работу в элитном клубе ему помог найти именно второй дядя Лян Тяня, задействовавший свои связи.

Небрежно бросил Су Юнь:

— Ничего особенного, просто разносил тарелки и наливал вино. Ты же знаешь, в каком состоянии мой брат: каждый его вздох стоит денег, так что мне приходится крутиться.

— Тогда ты уверен, что никому не перешёл дорогу? — в голосе Лян Тяня слышалось странное беспокойство. — Мой дядя говорит, что какая-то влиятельная персона занесла тебя в чёрный список по всему городу. Теперь тебе заказан вход во все клубы, отели и даже караоке.

— Что?!

Су Юнь изумился. Он-то собирался ещё раз навестить ту мадам сегодня вечером, чтобы умолить о снисхождении и продать себя снова — или уж сразу тому богачу из прошлой пробы. С какой стати его вдруг взяли и занесли в чёрный список?

Неужели... Шэнь Ифань?

Но в этой жизни они ведь ещё толком даже не знакомы!

— Ты уверен?

— Стал бы мой дядя врать мне о таком.

Су Юнь растерянно помрачнел:

— Т-тогда... не мог бы ты попросить своего дядю подкинуть мне ещё какой-нибудь вариант? Мне срочно нужны деньги.

Лян Тянь с виноватым видом покачал головой:

— Дядя велел передать, чтобы я посоветовал тебе вести себя тише воды, ниже травы... тьфу ты, короче, не высываться и лишний раз не слоняться по городу, не то только хуже себе сделаешь.

Су Юнь мысленно хмыкнул. Да вовсе не он натворил дел — это его услуги оказались никому не нужны... Ну просто проклятый бывший муж, чтоб его!

Дождавшись обеденного перерыва, он уединился в тихом месте и по памяти набрал личный номер мужчины.

Гудки шли недолго, на том конце ответили. Су Юнь уже приоткрыл рот, собираясь заговорить, но собеседник опередил его, велел подождать. Судя по звукам, на другом конце провода шло совещание: Шэнь Ифань говорил строгим тоном, и вскоре посчастливилось услышать команду закончить собрание.

После нескольких шагов низкий мужской голос произнёс:

— Алло!

— Это Су Юнь, господин Шэнь меня ещё помнит?

— Ты... откуда у тебя мой номер?

Су Юнь подзабыл об этой недоработке и почесал затылок:

— Я... я в тот раз, пока вы были в душе, позвонил со смартфона, надеясь сделать вас постоянным клиентом. Вы только не сердитесь.

— Клиентом?

Голос на том конце помрачнел и прозвучал настолько недоверчиво, что даже дрогнул, а затем последовал глубокий вдох, перешедший в крик:

— Прекрати эти штучки! Я же сказал, что не собираюсь ввязываться с тобой в подобные сделки!

— Ладно, раз не собираешься, так не собираешься, — Су Юнь оттянул трубку подальше от уха и продолжил лишь тогда, когда голос на том конце стих. — Раз уж отказываешься от моих услуг, зачем перекрывать мне кислород? То, что в тот раз у тебя не встало, — не моя вина. С какой стати устраивать мне всеобщую опалу?

— Неужели ты и дальше намерен таскаться по таким местам и заниматься подобным?

Су Юнь уловил в голосе собеседника сильнейшее давление и никак не мог взять в толк, с чего тому вообще беситься. Разве не он сам должен был бушевать?

— Каким это подобным? Тем самым, чем господин Шэнь едва не занимался на днях?.. Что делать с моим собственным телом — моё личное дело. Будь добр, отмени этот запрет, и давай впредь жить мирно, швеи да жнецы — каждый сам по себе, договорились?

Тяжёлое дыхание на том конце оборвалось на последнем слове так резко, словно споткнулось.

— Исключено!

Су Юнь, разумеется, решил, что речь идёт о запрете.

— Почему? Какая тебе от этого выгода?

— Раз сказал исключено, значит, и речи быть не может. Веди себя послушно и не испытывай моё терпение.

Су Юнь рассмеялся:

— Возомнил себя пупом земли? С какой стати я должен тебе подчиняться! Подумаешь, пойду на панель. Попробуй-ка запретить мне промышлять этим в каждом уголке города, раз такой умный!

Мужчина сквозь зубы выплюнул его имя:

— Ты где?

— Какое тебе дело... Нигде я не... Да ты рехнулся, псих ненормальный!

Су Юнь сбросил вызов. Когда мужчина перезвонил, он просто отключил телефон.

Проведя в отношениях с этим человеком четыре года, три из которых пришлось на брак, он прекрасно знал: тот не на шутку разозлён и вполне способен заявиться собственной персоной,

чтобы свести счёты.

После занятий Су Юнь вместе с Лян Тянем влился в толпу выходящих учеников, но у школьных ворот путь им преградил плотный затор: все ученики столпились у выхода, тыча пальцами наружу.

— Что там такое? Какая-то кинозвезда пожаловала?

— Звезда? Даже звёзды не разъезжают на таких тачках, — восхищённо протянул Лян Тянь, прослеживая за всеобщим взглядом.

Элитная иномарка?

Сам Су Юнь к подобным вещам был равнодушен. Его бывший тоже обожал коллекционировать машины, и позади их особняка располагался подземный гараж, набитый самыми диковинными экземплярами.

Он уже собирался протиснуться сквозь толпу к боковому выходу, как вдруг его взгляд зацепился за серебристый суперкар у главных ворот. Почему он показался ему смутно знакомым? А вон тот круглосуточно озирающийся громила-телохранитель — не тот ли самый охранник, что неотступно следовал за ним в прошлой жизни?

Ледяная волна страха внезапно подкатила к самому горлу.

— Эй, Су Юнь, глянь на эту машину...

Лян Тянь повернулся, но товарища рядом уже и след простыл.

Су Юнь стрелой помчался к южной стене школы. Повозившись в небольшой нише искусственной горки, он вытащил оттуда ржавую стремянку.

Эту вещь он припрятал здесь давным-давно. Позже его бывший муж вздумал пожертвовать школе денег, и Су Юнь с гордостью хвастался ему своими славными побегами с уроков.

Однако, взбудораженно вскарабкавшись на стену, он замер и с молчаливым отчаянием уставился вниз, плюхнувшись прямо на кирпичную кладку.

Сзади раздался свисток, и к нему бросился дежурный учитель.

— Это что за художества, молодой человек? Почему вместо того, чтобы чинно выйти через парадный вход, ты лезешь через стену? А ну марш со мной в кабинет завуча, я устрою тебе

выволочку!

Стоявший под стеной мужчина в элегантном костюме слегка улыбнулся и даже раскинул руки в приглашающем жесте, показывая, чтобы тот прыгал вниз.

Заметив, что разъярённый учитель уже занёс указку, намереваясь опустить её прямо на его пятую точку, Су Юнь торопливо переступил пару шагов в сторону, собираясь сигануть пониже и дать драпу.

В этот момент чья-то тёмная фигура стремительно взметнулась вверх, и его грубо втащили в чужие объятия.

Учитель, взгромоздившись на стремянку, высунул голову поверх стены и яростно застучал указкой по кирпичному гребню:

— Вы что себе позволяете, старший родственник называется? Вместо того чтобы воспитывать, ещё и поощряете побеги через забор! Лучше следите за своим мальчишкой!

<http://bllate.org/book/22607/2392848>